

АРИСТОТЕЛЬ О ВЫСЫХАНИИ АРГОЛИДЫ
(Meteor. I, 14, 352 a 9–13)

Рассуждая о постепенном заселении земель, отвоеванных сушей у моря, Аристотель в «Метеорологике» (I, 14) отмечает чрезвычайную длительность подобной колонизации, постепенное забвение ее начала и ссылается на Египет как наиболее яркий пример этого. Местные жители здесь постепенно осваивали сушу, образованную наносами Нила, заселяя всякий раз ближайший ее участок, по мере того как болотистая местность высыхала. Поскольку прямых указаний на эти процессы в традиции не сохранилось, Аристотель в подтверждение верности предполагаемой им картины указывает на искусственный характер устьев Нила и, кроме того, использует *argumentum e silentio* (Meteor. I, 14, 351 b 28–352 a 8): Гомер называет Египет Фивами, из чего следует, что Мемфис в его время не существовал или был еще слишком незначителен, чтобы упоминать о нем. Таким образом, заселение Египта происходило сверху вниз по течению Нила по мере образования новых участков аллювиальной земли, причем вновь образовавшаяся суша заселялась не сразу. Причина этого, по Аристотелю, состоит в том, что участки, лежащие внизу, ближе к морю, дольше оставались заболоченными и непригодными для жизни, чем более верхние. Передвижение населения вниз на новые земли в глазах Аристотеля связано не столько с потребностью в расширении обрабатываемой земли, сколько с необратимой тенденцией почвы к высыханию: заболоченные участки высыхают и становятся пригодными для земледелия (Аристотель подразумевает превосходные свойства аллювиальных почв), а те, что были плодородными, постепенно теряют влагу, «ибо, высыхая, эти местности [те, что образовались позже] приходят в хорошее состояние, те же, что прежде обладали должной влажностью, подвергаясь чрезмерному высыханию, однажды становятся хуже первых».

Пример (и одновременно подтверждение) подобного постепенного изменения двух соседних местностей — одной от цветущего состояния к засушенному, а другой от заболоченного к цветущему —

Аристотель находит, однако, не в Египте, а в Греции (Meteor. I, 14, 352 a 9–17):

‘Ὅπερ συμβέβηκε τῆς Ἑλλάδος καὶ περὶ τὴν Ἀργείων καὶ Μυκηναίων χώραν· ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν Τρωικῶν ἢ μὲν Ἀργεῖα διὰ τὸ ἐλώδης εἶναι ὀλίγους ἐδύνατο τρέφειν, ἢ δὲ Μυκηναία καλῶς εἶχεν (διὸ ἐντιμότερα ἦν), νῦν δὲ τοῦναντίον διὰ τὴν προειρημένην αἰτίαν· ἢ μὲν γὰρ ἀργῆ γέγονεν καὶ ξηρὰ πάμπαν, τῆς δὲ τὰ τότε διὰ τὸ λιμνάζειν ἀργὰ νῦν χρήσιμα γέγονεν. ὥσπερ οὖν ἐπὶ τοῦτου τοῦ τόπου συμβέβηκεν ὄντος μικροῦ, ταῦτ’ οὐδεὶς νομίζειν τοῦτο συμβαίνειν καὶ περὶ μεγάλους τόπους καὶ χώρας ἄλλας.

‘То же произошло в Греции на земле Аргоса и Микен: во времена Троянской войны земля Аргоса из-за того, что была заболочена, могла прокормить небольшое население, а область Микен находилась в превосходном состоянии (поэтому она и пользовалась большим почетом), теперь же дело обстоит противоположным образом из-за названной выше причины: земля Микен сделалась совершенно сухой и не обрабатывается,¹ а земля Аргоса, тогда не обрабатывавшаяся из-за того, что была заболоченной, теперь сделалась пригодной. Итак, следует полагать, что случившееся с этой местностью, которая невелика, просходит и с обширными территориями и с целыми странами’.²

¹Прилагательное ἀργός, которое в принципе может иметь активное значение — ‘ничего не делающий’, ‘праздный’ (применительно к земле это могло бы означать ничего не производящую или бесплодную почву, как это и понимают иногда переводчики данного места), здесь, однако, судя по противопоставлению ἀργὰ — χρήσιμα имеет, скорее, пассивное значение, т. е. ‘не обрабатываемая земля’ (Bonitz H. Index Aristotelicus. Berlin, 1955 [= 1870]. P. 91, s.v., с другими примерами для этого значения).

²Непосредственный смысл последнего предложения состоит в том, что постепенное отступление моря у Микен и Аргоса позволяет судить о том, что — в более значительных масштабах и на протяжении более продолжительного времени — происходило в Египте. Однако поскольку необратимое высыхание, прерываемое время от времени потопами, Аристотель считает универсальной тенденцией, его замечание, возможно, относится и к будущему как Греции, так и Египта: иссушение почвы вокруг Микен предвещает неуклонное оскудение Арголиты и в конечном счете Греции в целом, а по аналогии и Египта (о неизбежном высыхании рек см.: Meteor. I, 14, 351 a 35–b 5, о том, что Нил не вечен: 353 a 15–22). Выше в той же главе «Метеорологики» Аристотель упоминает, наряду с быстрым оставлением стран из-за катастрофического неурожая, постепенную эмиграцию под влиянием процессов иссушения (351 b 8–22). Греческая традиция сохранила немало примеров миграции населения под влиянием внезапного голода (McK Camp J. A Drought in the Late Eighth Century B. C. // Hesperia. 1979. Vol. 48. P. 397–411), но предположение о медленных процессах переселения, по-видимому, принадлежит Аристотелю и, судя по всему, отражает его размышления о происходивших в Греции процессах.

Как видно по контексту, в котором находится это замечание, Аргонида служит аналогом Египта не только в плане сходных процессов постепенного высыхания заболоченных участков, но и причин образования новой земли: Аргивская равнина представляет собой вновь образованную сушу, отнятую у моря отложениями рек. При этом окрестности Микен, находящихся в глубине равнины, демонстрируют более раннюю стадию этого процесса — пройдя состояния заболоченности и последующего расцвета, наступившего благодаря естественному высыханию, они в современную эпоху уже страдают от чрезмерной засухливости почвы. Земля же близ Аргоса, лежащая ближе к морю, — это, по Аристотелю, более позднее образование: заболоченная в героическую эпоху, она достигла в его время цветущего состояния, которое в будущем из-за неуклонного высыхания, также сменится упадком.

Неожиданность этого рассуждения состоит в том, что никто из античных авторов, кроме Аристотеля, не упоминает о подобных макрогеографических изменениях на Аргивской равнине. Наиболее ярким примером отступления моря вследствие аллювиальных отложений на территории Греции служила в древности местность на побережье западных берегов Акарнании напротив Ехинадских островов (современные острова Драгонара). Часть из них соединилась с материком из-за наносов впадающего здесь в море Ахелоя.³ Однако Аристотель не использует этот *exemplum classicum* в качестве греческой аналогии образования суши в Египте, очевидно, потому, что отступление моря в Акарнании не было настолько значительным, чтобы найти там нечто сопоставимое по масштабам

³См. краткий обзор: *Meyer Ernst*. Echinades // *Der Kleine Pauly*. Bd 2. Stuttgart, 1979. Sp. 193–194. Ранее всего о соединении Ехинад с материком упоминает Геродот (II, 10, 3). Фукидид (II, 102, 3–4) объясняет этот факт силой течения Ахелоя, близостью островов друг к другу и их особым расположением, преграждающим водам реки прямой проход к морю. Он предсказывает, что и все Ехинадские острова в недалеком будущем станут частью материка. Из Фукидида же мы узнаем о популярном представлении о скорости процессов отложения: согласно сказанию об Алкмеоне, сыне Амфиарая, значительная часть суши напротив островов на материке, где обитало акарнанское племя Ониадов, была образована наносами Ахелоя всего лишь за время странствий Алкмеона после убийства им матери (II, 102, 5–6). Живший четырьмя столетиями спустя Павсаний пытается объяснить, почему Ехинады вопреки прогнозам так и не сделались целиком частью суши (VIII, 6, 11): причиной тому упадок земледелия и оскудение почвы в Этолии, из-за чего протекающий через нее Ахелой несет много меньше ила, чем в прежние времена.

колонизации с постепенным заселением дельты Нила и последующим появлением на высохшей земле столь значительного города, как Мемфис. Постепенный рост Микен и Аргоса в Арголиде мог в этом плане, напротив, служить подходящей аналогией, однако никто, кроме Аристотеля, в древности не связывал эти города с заселением вновь образованной суши. Более того, сама аллювиальная активность здешних рек, по-видимому, не была широко известна, а отступление здесь линии морского берега не привлекло, судя по всему, внимания авторов, интересовавшихся подобными вопросами.⁴

Между тем, несмотря на необычность этого суждения Аристотеля о прошлом Арголиды, его общий взгляд на Аргивскую равнину как на землю, отнятую у моря отложениями рек, в целом верен. При этом, как нередко случалось при изучении аристотелевских теорий, должной оценке этого замечания способствовали успехи современного естествознания, на этот раз геологии. Так, Л. Иделер, комментарий которого к «Метеорологике» остается наиболее значительным и по сей день, в пояснении к этому месту еще ссылался лишь на споры античных филологов вокруг гомеровского эпитета Аргоса *πολυδίφιος* (П. IV, 171) и разногласия по поводу того, имеется ли в исторической Арголиде недостаток влаги,⁵ которые, хотя и небезразличны для понимания аристотелевского пассажа, но не имеют прямого отношения к лежащему в его основе воззрению. То, что высказывание Аристотеля о состоянии почвы вокруг Микен и Аргоса, подразумевают отступление моря в Арголиде, Иделер, очевидно, просто не заметил.

Однако некоторое время спустя Эрнст Курциус в своем классическом труде по географии и истории Пелопоннеса правильно связал этот пассаж Аристотеля с незадолго до того установленным фактом, что Аргивская равнина некогда представляла собой дно моря, которое постепенно отступило из-за наносов местных рек.⁶ Основанием для этого вывода послужила находка ракушек фран-

⁴Страбон, приводя другие, наряду с Ехинадами, примеры превращения частей моря в сушу (I, 3, 18 С 59), не упоминает о чем-либо подобном в Арголиде.

⁵Aristotelis Meteorologicorum libri IV / Ed. ab J. L. Ideler. Lipsiae, 1834. Vol. I. P. 482–483. По-видимому, на мысль о какой-то связи аристотелевского пассажа с гомеровским *πολυδίφιον Ἄργος* Иделера навело рассуждение Олимпиодора в комментариях к этому месту (см. далее).

⁶Curtius E. Peloponnesos: In 2 Bde. Bd II. Gotha, 1852. S. 341.

цузскими геологами близ Тиринфа в 1833 г.⁷ С тех пор взгляд на Аргивскую равнину как на землю, отвоеванную реками у моря, прочно вошел в руководства по греческой географии. Согласно характеристике К. Бурсиана, долина Аргоса представляла собой в далеком прошлом глубоко врезающуюся в материк морскую бухту, которая постепенно оказалась заполненной отложениями многочисленных рек и источников, текущих с гор: по мнению Бурсиана, скалы в восточной и юго-восточной части долины в прошлом представляли собой скалистые островки в море.⁸ Сходным образом характеризуется долина Аргоса в фундаментальном труде по географии и геологии Греции: «Почва [Аргивской] равнины нанесена реками и заставила отступить воду залива».⁹

Напротив, то, что суждение Аристотеля об Арголиде, предвосхищает выводы современной геологии, постепенно оказалось забытым.¹⁰ В сравнительно недавней статье О. Лонго справедливо напоминает о теоретическом контексте замечания Аристотеля об Аргосе и Микенах — аллювиальная активность рек, ведущая к отступлению моря.¹¹ Однако О. Лонго, как ранее Э. Курциус, рассматривает высказывание Аристотеля как своего рода историческое свидетельство о протекавших в глубокой древности природных процессах. При этом остается без ответа вопрос, на чем основывался Аристо-

⁷Expédition scientifique de Morée, 1829–1831 (материалы опубликованы в 1832–1833 гг.).

⁸Bursian C. Geographie von Griechenland: In 2 Bd. Bd II. Leipzig, 1872. S. 39.

⁹Philippson A. Die Griechischen Landschaften. Nach dem Tode des Verfassers: In 4 Bde / Hrsg. von E. Kirsten. Bd III: Peloponnesos. Tl I. Frankfurt am Main, 1959. S. 138. Ср. также упоминание об отложениях рек, которые с древнейших времен заполнили долину: Kirsten E., Kraiker W. Griechenlandkunde: Ein Führer zu klassischen Stätten: Bd I–II. 5 Aufl. Heidelberg, 1967. Bd I. S. 336.

¹⁰Бурсиан цитирует аристотелевский пассаж о Микенах и Аргосе (Ibid. Bd II. S. 40. Anm. 2), но не в связи с отступлением линии морского берега, как Курциус, а в качестве подтверждения недостатка воды в Арголиде. Никаких пояснений к этому месту не содержит единственный современный комментарий к «Метеорологике»: Aristoteles. Meteorologie. Über die Welt / Übers. und erläut. von H. Strohm. Berlin, 1970. Также Г. Кадуфф в монографии, посвященной античным легендам о потопе, приводит аристотелевский пассаж как свидетельство его воззрения о циклических изменениях от избытка влаги (вследствие потопы) к высыханию, но не принимает во внимание связь этого места с учением о взаимных наступлениях суши и моря (Caduff G. A. Antike Sintflutsagen. Göttingen, 1986 (Hypomnemata. Hft 82). S. 152; 190. Anm. 11).

¹¹Longo O. Micene/Argo: un modello aristotelico di interpretazione geostorica // Studi Italiani di filologia classica. 1984. A. 77. Ser. 3. Vol. 2. P. 202–216.

тель, полагая, что в Арголиде из-за наносов рек медленно отступало море. Еще более загадочно то, каким образом он мог судить о состоянии Микен и Аргоса в эпоху Троянской войны.¹²

Аргос и Микены расположены на Аргивской равнине, недалеко друг от друга, менее чем в 10 км,¹³ причем первый город находится ближе к морю, а второй на большем удалении от него. Если бы Аргос в самом деле представлял в героическую эпоху заболоченную землю, образовавшуюся позже, чем находящиеся поблизости Микены, Аристотель получил бы сопоставимый с Мемфисом и Фивами пример общей закономерности — медленного отступления моря, постепенного переселения жителей на столь же медленно высыхающую землю и забвения вследствие длительности этих процессов самого факта переселения.¹⁴ Однако выбор Арголиды для демонстрации этой закономерности остается неожиданным. Засушенное состояние окрестностей Микен и цветущее Аргоса во времена Аристотеля, очевидно, исторический факт.¹⁵ Второстепенность города Аргоса в эпической традиции по сравнению с Микенами, столицей Агамемнона, в принципе могла бы рассматриваться Аристотелем как подтверждение его взгляда на окрестности Аргоса как непригодные для земледелия в героическую эпоху, но сама по себе эта относительная незначительность гомеровского Аргоса безусловно не могла навести его на мысль о заболоченности его окрестностей в древности. Какими-либо сведениями о состоянии почвы вокруг двух городов в героическую или, говоря современным языком, в микенскую эпоху Аристотель, разумеется, не располагал.

Прежде чем перейти к конкретным указаниям в традиции, на которых мог основываться Аристотель в своих суждениях об изменениях ландшафта Арголиды, остановимся на общих положениях

¹² Лонго оставляет этот вопрос без ответа (*Longo O. Micene/Argo... P. 215*).

¹³ На расстоянии менее 50 стадиев, или 9,5 км, см.: *Strab. VIII, 6, 10 C 372 (Strabon. Géographie. T. V (Livre VIII) / Texte établi et traduit par R. Baladié. Paris, 1978. P. 234. Not. 2)*.

¹⁴ Малые размеры территории, о которой идет речь, что специально подчеркивает Аристотель, и длительность «отставания» Аргоса и Микен в предполагаемой Аристотелем последовательности развития (около 500 лет, протекших со времени героической эпохи по традиционной хронологии) должны были служить наглядной демонстрацией того, сколь более продолжительное время требуется для соответствующих процессов, когда они затрагивают более обширные части земли.

¹⁵ Р. Баладьё отмечает чрезвычайную сухость северной части Аргосской равнины близ Микен (*Strabon. Géographie. T. V (Livre VIII). P. 159. Not. 1*).

теории о чередующихся наступлениях суши и моря, которую он развивает в этой части «Метеорологики». Главная причина этих изменений — колебания в уровне воды рек: полноводные реки интенсивно образуют наносы при впадении в море, что ведет к образованию суши и отступлению линии морского берега, а с уменьшением уровня воды в реках их аллювиальная активность ослабевает и море вновь в этом месте наступает на сушу (Meteor. I, 14, 351 a 19–b 8). В свою очередь долговременный рост уровня рек в определенном регионе Аристотель объясняет периодическими локальными потопами, т.е. катастрофическими ливнями, выпадающими в той или иной части земли, в результате которых выпавшая влага сохраняется в течение длительного периода, преимущественно в горах, питая текущие отсюда реки. Затем постепенное высыхание избыточной влаги под воздействием солнца в тех местах, где берут начало реки, ведет к уменьшению их уровня и даже к полному исчезновению, до тех пор пока новый потоп не вызывает повторение тех же процессов здесь же или в каком-то в ином месте (352 a 18–b 17).¹⁶

Вполне вероятно, таким образом, что конечной причиной отступления моря в Арголиде был для Аристотеля Девкалионов потоп, историческая, согласно его теории, катастрофа, которая, как он полагал, затронула в первую очередь северо-западную Грецию, «возле Додоны и Ахелоя», т.е. территорию Эпира (352 a 32–b 3). Это не мешало, вероятно, Аристотелю предполагать, что Девкалионов потоп вызвал долговременное увеличение полноводности рек и во всей Греции.¹⁷ Не исключено, конечно, что Аристотель связы-

¹⁶Подробнее об этом аристотелевском учении см. в ст.: *Verlinsky A. The Flood in Aristotle's Meteorologica (I. 14) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. 2006. Bd 16. P. 51–68.* В ней мы пытаемся доказать, что конечной причиной колебаний уровня воды в реках Аристотель считает не сам по себе годичный цикл сезонных изменений, как иногда думают, но периодические потопы и последующее высыхание избыточной влаги в течение огромного периода времени. Таким образом, учение о потопах представляет собой не чужеродный реликт ранних воззрений Аристотеля, противоречащий его зрелой теории, как полагали некоторые ученые, но необходимую часть учения о взаимных наступлениях и отступлениях моря и суши, как она изложена в «Метеорологики».

¹⁷Основной довод Аристотеля: помимо протекания здесь Ахелоя, наиболее значительной из греческих рек, в Эпире обнаруживаются древнейшие следы греческой цивилизации — здесь, по словам Аристотеля, обитали «граики», позднее ставшие называться «элинами» (т.е. родоначальники греков), и гомеровские Селлы, босоногие, спавшие на земле служители додонского Зевса, в ко-

вал интенсивную аллювиальную активность в Арголиде с каким-то другим, местным потоком, но, как будет видно из дальнейшего, он едва ли мог найти основания для подобного вывода в мифологической традиции.

Итак, избыточная увлажненность (соответственно полноводность рек и оттеснение моря) и избыточная засушливость (соответственно оскудение рек и наступление моря) — вот те крайние пункты, между которыми закономерно протекает, по Аристотелю, развитие любой местности. Эту схему следует иметь в виду, пытаясь определить, в какой мере суждения Аристотеля об Арголиде основываются на доступных ему фактах, а в какой вытекают из его общей теории.

Начнем с самого отступления моря. Хотя, как уже говорилось, отступление моря в Арголиде под воздействием рек, не упоминается в научной литературе древности за исключением разбираемого пассажа Аристотеля, засвидетельствовано более примитивное представление, что Аргивская равнина некогда была покрыта морем. Оно отразилось в местных Аргивских преданиях, в частности в легенде о затоплении страны морем и о его последующем отступлении. Одна из версий этой легенды дошла до нас в схолиях к Еврипиду (Schol. in Eur. Orest. 932. Vol. I. P. 189, 12 sqq. Schwartz): «Когда аргивяне после потопа обитали в горах, Инах первым поселил их вместе. Он сам очистил заболоченную равнину возле [нынешней реки] Инах и, создав реку из некоего источника, назвал ее по своему имени Инахом, Аргос же Инаховым».

Эта рационалистическая трактовка сказания, в которой бог реки превращается в «культурного героя», создателя местной цивилизации, принадлежит ученой антикварной традиции, которая могла существовать уже ко времени Аристотеля. Обратим внимание на особенности этого рассказа, не связанные с его рационалистической тенденцией. В качестве причины потопа здесь мыслится не речное наводнение, но какой-то иной фактор: река Инах была со-

торых Аристотель, по всей видимости, усматривает реликт примитивнейшей (и, следовательно, древнейшей) стадии греческой религии. Аристотель, таким образом, полагает, что греческая цивилизация целиком или, по крайней мере, в лице ее основных носителей, ведет отсчет от уцелевших в потоке представителей предыдущей культуры, утративших в катастрофе ее достижения и опустившихся до примитивного состояния.

здана ее эпонимом уже после потопа.¹⁸ Существенно также, что легенда подразумевает заболоченность аргивской долины в глубокой древности и ее последующее осушение, сделавшее ее пригодной для земледелия.

Известно и другое аргивское сказание, еще более определенно говорящее о затоплении равнины морем. Согласно легенде, которую сообщает Павсаний (II, 22, 4), Посейдон, разгневавшись из-за присуждения Арголиды не ему, а Гере, затопил страну, заставив море подступить к городу.¹⁹ Когда же Гера добилась у него, чтобы море отступило назад, аргивяне на месте, где находились морские валы, воздвигли святилище Посейдону Затопителю (Προσκληύστιος).²⁰ Потоп в этом рассказе уже прямо связан не с выходом из берегов рек вследствие избыточных дождей, но, как и в некоторых других античных сказаниях, с морским наводнением.²¹ Этот вариант сказаний о потопе навеян, очевидно, как и в других аналогичных случаях, катастрофическими волнами, цунами, вызванными подземными толчками, которые время от времени обрушиваются на побережье Греции.²² Независимо от того, насколько глубоко в древ-

¹⁸Г. Кадуф правильно подчеркивает значение этой детали (*Caduff G. A. Antike Sintflutsagen*. S. 187. Anm. 7). Сходная ученая традиция, представляющая Инаха как местного героя, предводительствовавшего аргивянами после потопа, лежит в основе объяснения одного из здешних обычаев у Плутарха (*Aetia Graeca* 51 = *Mor.* 303 a–b), ср. *Paus.* II, 15, 4–5, где приводятся обе версии — Инах-человек, давший имя реке, и Инах-бог, отец основателя аргивского государства Форонея (вторая соответствует древней «Форониде»).

¹⁹О мотиве «тяжбы богов» за владение различными областями см.: *Caduff G. A. Antike Sintflutsagen*. S. 188–193. Ближайшую параллель представляет рассказ о морском потопе, которым Посейдон наказал Аттику, присужденную не ему, а Афине ([*Apollod.*] *Bibl.* III, 14, 1).

²⁰Жрец этого культа упоминается в надписи императорской эпохи, *CIG* 1223 (*Wüst E. Poseidon* // *RE. Hbbd.* 43. 1953. Sp. 502).

²¹Легенда о затоплении страны гневающимся Посейдоном существовала также в Трезене (*Paus.* II, 32, 8).

²²Ср. платоновский рассказ о наводнении, уничтожившем Атлантиду и древние Афины: *Tim.* 25 c–d. Д. В. Панченко убедительно развивает гипотезу Х. Хергера, что импульсом для описания этой вымышленной катастрофы послужила реальное землетрясение и вызванная им волна, затопившая ахейские города Гелику и Буру в 373 г. до н. э. (*Панченко Д. В. Платон и Атлантида*. Л., 1990. С. 55–62). См. другие свидетельства о знакомстве древних с подобными катастрофическими явлениями: *Sedley D. N. Plato's Tsunami* // *Nupurboreus*. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 205–214. Оба типа наводнений, речные и морские, встречаются в сказаниях разных народов, будучи отражением в преувеличенной форме реальных катастроф подобного рода (*Фрэ-*

ность уходят аргивские рассказы о потопе, обе версии сказания, еврипидовского схолиаста и Павсания, указывают на представление, что Аргивская равнина когда-то была морским дном.

Но на чем конкретно основывалось представление, что Аргивская равнина оказалась в течение достаточно продолжительного времени под водами моря, т. е. пережила, согласно народным представлениям, потоп, а не просто бедствия цунами? Как видно из версии еврипидовского схолиаста, последствием затопления считались болота, которые постепенно осушались. Судя по этому изложению, болотистые участки, существовавшие в историческую эпоху на Аргивской равнине, навели местных жителей на мысль, что вся равнина когда-то была заболочена, а еще раньше представляла собой дно моря. Но Аристотель, как и местная традиция, разумеется, нуждался в каких-то более определенных указаниях для того, чтобы усмотреть в болотах свидетельство отступления моря — болота, как это было хорошо известно и в древности, могут возникать в силу самых различных причин. Важную роль в формировании подобного взгляда на Аргивскую равнину должно было играть то обстоятельство, что наиболее значительные участки заболоченной местности, в частности, знаменитое Лернейское болото, находятся в прибрежной части, на юге и юго-западе равнины, при впадении в море аргивских рек, и здесь в самом деле имеются явные следы отступления моря.²³ По описанию Х. Леманна, «более или менее широкий слой недавно образовавшейся земли, которая в естественном состоянии имеет амфибийный характер, окаймляет отступившую линию берега». Вследствие понижения рельефа из-за отложений рек вода, которая в изобилии собирается здесь во время влажного сезона, застаивается, образуя непроходимое в это время болото вдоль всего побережья от Навплия до Мили. Вблизи от берега в нижнем слое почвы обнаруживают окаменелые морские ракушки.²⁴

Как уже упоминалось выше, обнаружение окаменелых моллюсков французскими геологами в молодых слоях близ Тиринфа в 1833 г. привело в Новое время к выводу об отступлении моря в Ар-

зер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете: 2-е изд. / Пер. Д. Вольпина. М., 1985. С. 151–159).

²³ *Bursian C.* Geographie von Griechenland. Bd II. S. 40.

²⁴ *Lehmann H.* Argolis. Bd I: Landeskunde der Ebene von Argos und ihrer Randgebiete. Athen, 1937. S. 29–30.

голиде. О находках здесь ракушек в древности, как будто, ничего не известно, но сами по себе они вполне вероятны. Подобные находки, в сочетании с явными следами отступления моря в прибрежной части, а также болотами в различных частях равнины, вполне могли быть истолкованы уже в те времена как свидетельство того, что вся равнина когда-то была дном моря.²⁵ Существенно, однако, что в отличие от местной традиции, объяснявшей этот факт более тривиально и более драматично — гневом божества, наславшего стихию на сушу и затем заставившего ее отступить, Аристотель правильно усмотрел здесь процесс постепенного оттеснения моря вследствие речных наносов. Аристотель мог слышать о находках ракушек на Аргивской равнине, но несомненно важную роль в его гипотезе играли прибрежные болота Арголиты: он видел в образовании низин, в которых застаивается вода, одно из важнейших свидетельств аллювиальной активности рек. В той же главе «Метеорологии» отмечается, что образованная наносами Нила земля лежит ниже уровня моря, и говорится по поводу местности близ святилища Аммона в Ливии: создавая наносы близ моря, река здесь оставила углубления, в которых находилась вода, высохшая со временем. Еще более яркий пример: Меотидское озеро — это остаток моря, отделившийся от него благодаря речным отложениям и обреченный в конечном счете на высыхание (Meteor. II, 14, 352 b 32–353 a 8).²⁶ При этом, в отличие от более примитивного представления о болотах как прямых остатках отступившего моря, которое лежит в основе аргивской легенды, Аристотель полагает, что болота — это углубления на месте отступившего моря, в которых скапливается речная вода.

Обратимся теперь к аргивским рекам, наносам которых, как

²⁵Как отмечает Д. Фрэнгер, находки ракушек послужили толчком для возникновения мифологических рассказов о потопах у различных народов (Фрэнгер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. С. 151–152). Суждения греческой ученой традиции, начиная с Ксенофана, об ископаемых остатках как свидетельствах глобальных геологических изменений собраны в недавней работе: Usener K. Fossilien und ihre Deutung. Antike Spekulationen über die Entstehung der Welt // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. 1999. Bd 9. S. 7–32.

²⁶Болотистая северо-восточная часть равнины, напротив, не вписывается в теорию Аристотеля. Однако, как отмечает Бурсиан (*Bursian C. Geographie von Griechenland. Bd II. S. 40*), болота здесь легко осушаются посредством дренажных работ, так что во времена Аристотеля болот здесь могло не быть. Павсаний (II, 15, 5) во всяком случае считает только источники Лерны не высыхающими летом.

видно из общего характера теории Аристотеля, он должен был и в данном случае придавать решающее значение в отступлении моря. Античные авторы, как уже говорилось, не упоминают об аллювиальной активности рек Арголиды. Это не удивительно — бедные водой аргивские реки кажутся несопоставимыми по своей мощи не только с Нилом, но и с Ахелоем. Как научная, так и мифографическая традиции не сообщают ничего примечательного в интересующем нас плане: аргивские сказания о речных потопах неизвестны,²⁷ зато существует рассказ о том, как Посейдон, вступив в тяжбу за Арголиду с Герой, наказал аргивские реки-божества, Инаха, Кефиса и Астериона, присудивших страну Гере, тем, что лишил их воды ([Apollod.] *Biblioth.* II, 1, 4; Paus. II, 15, 5; Serv. *Ampl. Aen.* IV, 377) — этиологическая легенда, объясняющая, по словам Павсания, почему Инах и другие реки «летом безводны, если не пойдет дождь».²⁸

Однако, несмотря на эту бедность водой, реки Аргивской равнины в действительности создают наносы, чреватые серьезными последствиями для местного ландшафта. Две важнейшие из них, Инах и Харадр (современные Паница и Ксериас), практически вы-

²⁷ Аргивская эпическая поэма «Форонида» (VI в. до н. э.), повествующая о первом человеке, Форонее, сыне речного бога Инаха, судя по дошедшим свидетельствам, не содержала рассказа о потопе (*Caduff G. A. Antike Sintflutsagen. S. 232–233*). Косвенным свидетельством того, что в IV в. распространено было лишь сказание об одном, Девкалионовом потопе, служит место из платоновского «Тимея» (22 a–b). От местных сказаний следует отличать позднейшие попытки указать на связь Арголиды с Девкалионовым потопом, который принадлежал первоначально фессалийским преданиям и рассматривался как локальный, но впоследствии стал мыслиться как общегреческое событие (*Caduff G. A. Antike Sintflutsagen. S. 73–76*). Таков рассказ, который передает Арриан (*Etym. Magn. P. 176, 32 = FGrHist 156 F 16*), о сооружении Девкалионом, спасшимся от потопа, алтаря Зевса Афесия, представляющий собой несомненно антикварную конструкцию, одну из тех, что существовали в различных областях Греции и были связаны с попыткой обосновать древность местных святилищ и обычаев (ср.: *Caduff G. A. Antike Sintflutsagen. S. 113–114*).

²⁸ Эта версия, очевидно, конкурировала с той, согласно которой наказание состояло в затоплении страны морем (см. выше). Время происхождения и взаимное отношение двух вариантов для нас несущественны, но осушение рек, нетипичное для Посейдона, очевидно, указывает на местные аргивские истоки этого объяснения, едва ли очень древнего — многочисленные изложения того, как дочери Даная открыли источники в Лерне не содержат упоминания о том, что сухость в Аргосе наступила вследствие гнева Посейдона (о сказании о Посейдоне и Амимоне в целом см.: *Robert C. Die Griechische Heldensage. I. Buch. Landschaftliche Genen. Berlin, 1920. S. 275–276*).

сыхающие в летнюю жару, зимой, напротив, во время ливней, переполняются дождевой водой и (особенно Харадр) бушующими потоками обрушиваются на окрестности, нередко со значительным уроном для окрестных полей.²⁹ Для образования наносов большее значение, чем полноводность рек, имеет частая повторяемость наводнений, как это в действительности имеет место на Аргивской равнине: после сильных дождей от разливов Инаха и Харадра поля вблизи покрываются толстым слоем ила и камней.³⁰ Эти последствия наводнений легко наблюдать и они могли быть известны Аристотелю, так что незначительность аргивских рек по сравнению с Нилом не должна была послужить помехой для его гипотезы о важной роли речных отложений в Арголиде. Плодородность почв Аргивской равнины и их ярко выраженный аллювиальный характер должны были служить дополнительным и весьма важным основанием для сравнения с Египтом.³¹ Кроме того, образование болот на побережье залива (заметное и там, где впадают в море Инах и Харадр, и особенно при впадении источников близ Лерны), очевидно, способствовало тому, что Аристотель сумел правильно связать отступление здесь моря с наносами рек.

Правда, не совсем понятно, противоречит ли подобная гипотеза теории самого Аристотеля, согласно которой в отступлении линии моря главную роль играют наносы весьма полноводных рек (в период после потопа), тогда как их обмеление ведет к уменьшению аллювиальной активности и в конечном счете к обратному наступлению моря (Meteor. I, 14, 351 a 36 — b 8). Бесспорного противоречия здесь во всяком случае нет: Аристотель, опираясь на заметные следы аллювиальной активности аргивских рек в настоящем, мог предполагать, что эта активность была гораздо более значительна

²⁹ *Lehmann H.* Argolis. Bd I. S. 28. *Philippon.* Griechische Landschaften. Bd III, Tl. 1. S. 139, см. также: *Tomlinson R. A.* Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation. Ithaca; New York, 1972. P. 10: «But these (Inachos and Charadros) are not rivers in the usual sense, and for the most part of the year they do not flow. They are torrent beds, taking the sudden bursts of rainwater that result from winter storms as quickly as possible to the sea; and in practical terms they contribute practically nothing to the watering of the Argive plain».

³⁰ *Lehmann H.* Argolis. Bd I. S. 28–29.

³¹ Верхний слой почвы долины состоит из плодородной глинистой почвы от желтого до светлокоричневого цвета, образованной наносами рек (*Philippon A.* Griechische Landschaften. Bd III, Tl. 1. S. 138; *Lehmann H.* Argolis. Bd I. S. 29).

в прошлом и что отступление моря, о котором говорят сказания, относится главным образом к весьма отдаленной эпохе.³²

Несмотря на правильность выводов Аристотеля об отступлении моря в Арголиде под воздействием наносов рек, его указанию о цветущем состоянии окрестностей Микен и заболоченности местности вокруг Аргоса в героическую эпоху не следует придавать вес исторического свидетельства, как ссылались на него в прошлом Э. Курциус и К. Бурсиан, а совсем недавно О. Лонго. В действительности мы имеем дело, судя по всему, не с отголосками каких-либо реальных указаний на прошлое Арголиды (какой источник мог бы сообщать что-то подобное о состоянии страны в микенскую эпоху?) и не с интерпретацией, сколь бы то ни было искусственной, упоминаний об Аргосе в поэзии³³, но лишь выводом из гипотезы о том, что практически вся Аргивская равнина вплоть до ее северной части, где находятся Микены, некогда представляла собой морское дно. Выясняется, однако, что подобное предположение о масштабах отступления здесь моря, высказывавшееся и в Новое время, сильно преувеличено: нет данных о том, что море когда-либо доходило до Аргоса, не говоря уже о расположенных глубже на материке Микенах.³⁴ Остатки болот в средней части Аргивской равнины, восточ-

³²Если рассказ об осушении аргивских рек Посейдоном уже существовал во времена Аристотеля и был ему известен, то он мог воспринимать его как своеобразное подтверждение своей теории о неуклонном иссякании запаса воды, полученного реками во время погопа.

³³Гомеровский эпитет Аргоса πολυδίψιον 'многожаждущий' (II. IV, 171), как бы его ни толковать, не может служить подтверждением для утверждения Аристотеля о заболоченности окрестностей Аргоса в героическую эпоху (см. далее).

³⁴Находка ракушек возле Тиринфа (см. выше) побудила Филиппсона в его более ранних работах по географии и геологии Пелопоннеса считать, что вся нижняя часть равнины представляла собой в прошлом дно залива. Однако, как указывает Х. Леманн, это утверждение преувеличено: по его приблизительным подсчетам, море возле Тиринфа отступило за время, протекшее с микенской эпохи примерно на 350 м (в настоящее время Тиринф находится в 1,5 км от берега), и находилось в те времена, по Леманну, примерно в 650 м от Тиринфа, причем залив здесь глубже всего проникает в сушу. Хотя западнее Тиринфа, имело место понижение рельефа в сторону моря вследствие отложения Инаха и некоторое отступление вследствие этого линии морского берега, однако нет никаких указаний, что море здесь когда-либо покрывало сушу севернее линии Тиринфа (*Lehmann H. Argolis. Bd I. S. 29–30*). Ср. суждение А. Филиппсона в более поздней работе, в которой уже учитываются выводы Леманна (*Philippson A. Griechische Landschaften. Bd III, Tl. 1. S. 153: (Tiryns) liegt weit vor dem Ostrand in der fruchtbaren Ebene ... 1,5 km NO von der heutigen Flachküste der*

нее Аргоса, которые существовали, по крайней мере, до 80-х годов XIX в. (последним их описывает Г. Шлиман в опубликованной в 1886 г. книге о Тиринфе), а затем были осушены посредством дренажных работ,³⁵ могли уже в древности вести к преувеличенному представлению о степени отступления моря (Аристотель полагает, что даже северная часть равнины возле Микен — это сравнительно недавно образовавшаяся суша). В действительности болота в центральной части равнины не имеют отношения к отступлению моря. Современные ученые объясняют их происхождение наносами ила реки Бербати.³⁶ Засушенность Микен в эпоху Аристотеля связана не с высыханием будто бы существовавших здесь болот, но с упадком сельского хозяйства и менее интенсивной обработкой почвы вследствие политических причин (разгром и разрушение Микен Аргосом в 468 г. до н. э.).

Образование болот в южной части равнины, хотя и объясняется отложениями рек и отступлением моря, также вопреки Аристотелю является не симптомом однолинейно протекавшего процесса, который охватывает все большую территорию, а локальным явлением, имевшим, скорее, ограниченный характер. Лернейское болото образовано источниками, берущими начало в подошве известняковой горы Понтин возле местечка Мили, наиболее значительное из которых знаменитая Амимона. Гора, как было отмечено уже Павсанием (II, 6, 8), служит накопителем дождевой воды.³⁷ Примерно в 200 м от своего начала источники впадают в море, образуя по пути заболоченную местность.³⁸ Кроме источников Понтина, в образовании

Bucht von Navplion, von dieser durch neuerdings kultivierte Sümpfe getrennt. Die Beziehung zum Meere sind wohl kaum zu leugnen, wenn man auch nicht weiss, wo damals der Ufer gelegen hat, denn die Senkung des Landes und die fortschreitende Anschwemmung wirken einander entgegen»).

³⁵ *Lehmann H. Argolis*. Bd I. S. 57 (речь идет о книге: *Schliemann H. Tiryns*. Leipzig, 1886).

³⁶ *Ibidem*.

³⁷ Ср. описание Додвелла, которое приводит Дж. Фрэйзер (*Pausanias's Description of Greece / Translated with a Commentary by J. G. Frazer*. Vol. III. London, 1898. P. 300): гора Понтин имеет много трещин и подземных углублений, которые удерживают влагу.

³⁸ *Lehmann H. Argolis*. Bd I. S. 54. Место, откуда берут начало источники, само, возможно, представляло собой некогда берег моря (см.: *Philippon A. Griechische Landschaften*. Bd III, Tl. 1. S. 140: Etwa ein Dutzend Quellen entspringen in dem schmalen Engpaß dem Gebirgsfuß, und zwar unter einer Konglomeratbank, die vielleicht einer Strandterrasse entstammt).

болот играет роль карстовый источник Эрасин (совр. Кефалари). Застой воды в прибрежной полосе вызван не образованием здесь углублений вследствие отступлений моря, как объясняет заболоченность в подобных случаях Аристотель, но, судя по описанию Х. Леманна, отлогим, из-за наносов Инаха и Харадра, рельефом берега (29–30), вследствие чего вода источников не стекает в море, но стагнирует, а также выходом на поверхность подземных запасов воды.³⁹

Таким образом, утверждения Аристотеля о заболоченности окрестностей Аргоса в древнейшую эпоху оказываются лишь гипотезой, основанной на реальных особенностях географии и геологии Арголиты, на интерпретации местных преданий и более общих посылаках, вытекающих из теории взаимных наступлений моря и суши под влиянием колеблющейся аллювиальной активности рек. Сам вывод Аристотеля о постепенном отступлении моря в Арголитиде — несомненно замечательная догадка, а аналогия, которую он проводит между аллювиальными отложениями в этой области и в Египте, неожиданна, но безусловно справедлива. Вместе с тем его представление о масштабах образования в Арголитиде новой суши преувеличено в первую очередь из-за ложного объяснения происхождения аргивских болот исключительно отступлением моря. Эта склонность к упрощению и к трактовке исследуемых ему процессов как имеющих однонаправленный на каждой стадии (в конечном же счете циклический) характер в целом типична для его теории взаимных наступлений и отступлений моря и суши, несмотря на ряд верных догадок, которые она содержит.

Остается ответить на вопрос, имеет ли гипотеза Аристотеля о заболоченности Арголиты в прошлом и ее постепенном высыхании какое-то отношение к гомеровскому эпитету Аргоса *πολυδίφιον* (II. IV, 171). Уже комментатор «Метеорологики» неоплатоник Олимпиодор (V в. н. э.) считал, что разбираемый пассаж Аристотеля, указывающий на заболоченность Аргоса в древности, трудно согласовать с гомеровским выражением *πολυδίφιον Ἄργος*, предполагающим недостаток воды. Олимпиодор попытался справиться

³⁹Этим фактором, как отмечает Леман, объясняется заболоченность местности при впадении Эрасина, несмотря на то что другой важнейший фактор заболочивания, выход на поверхность подземных вод, был уже устранен благодаря дренажным работам к 30-м годам XX столетия, когда был написан его труд (*Lehmann H. Argolis. Bd I. S. 58, ср. 60*).

ся с этой трудностью, предположив, что πολυδίψιον означает будто бы не бедность водой вообще, но недостаток воды, пригодной для питья (Olymp. In Arist. Meteor. P. 113, 15–31 Stüwe).⁴⁰ Очевидно, под влиянием замечания Олимпиодора Л. Иделер привел в своем комментарии к этому месту «Метеорологики» пассажи, отражающие полемику античных филологов и антикваров по поводу значения гомеровского эпитета,⁴¹ не высказываясь, однако, прямо о том, как связано суждение Аристотеля с этой затянувшейся на столетия дискуссией. Позднее Ф. Велькер уже определеннее сослался на пассаж Аристотеля как подтверждающий, по его мнению, высказывание Страбона (VIII, 6, 7; С 370), что Арголида в действительности хорошо снабжена водой и что, таким образом, πολυδίψιος не может подразумевать жажду. Велькер полагал, вслед за некоторыми античными филологами, мнение которых приводит Страбон, что эпитет πολυδίψιος происходит не от $\delta\acute{\iota}\psi\eta$, ‘жажда’, но связан с глаголом $\acute{\iota}\pi\lambda\acute{o}\beta\omicron\tau\omicron\varsigma$, ‘тесню’ и означает ‘испытавший много несчастий’.⁴²

Ошибочность велькеровской оценки климатических условий Аргολиды неоднократно отмечалась. В действительности, как указывали уже в XIX в. ученые, полагавшие, что гомеровский эпитет подразумевает недостаток воды в Аргολиде, реки равнины, включая и главный поток Аргολиды, Инах, высыхают во время летней жары. Исключение составляют лишь источники в южной части равнины, в заболоченных местностях вблизи от моря, о которых шла речь выше.⁴³ Согласно А. Филиппзону, несмотря на несколь-

⁴⁰Подтверждение незначительности Аргоса в героическую эпоху Олимпиодор примечательным образом видит в другом его гомеровском эпитете, πολύβοτος , подразумевающим, как он думает, его заболоченность и ненаселенность.

⁴¹Aristotelis Meteorologicorum libri IV / Ed. ab J. L. Ideler. Vol. I. P. 482–483.

⁴²Welcker F. Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter: 2. Aufl. Tl. II. Berlin, 1882. S. 546 f. (книга Велькера была впервые издана в 1849 г.). Модифицируя одно из предложений античных филологов (плеонастическое $-\delta-$ в πολυδίψιος), сам Велькер трактовал $-\delta-$ как зуфоническое.

⁴³Bursian C. Geographie von Griechenland. Bd. II. S. 40; Hermann K. F. Lehrbuch der Griechischen Privatalterthümer: 3. Aufl. / Hrsg. von H. Blümner. Freiburg; Tübingen, 1882. S. 15–16; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd I. Halle (Saale), 1892. S. 74. Anm. 1 (со ссылкой на собственные впечатления); Pausanias's Description of Greece / Transl. with a Commentary by J. G. Frazer. Vol. III. P. 90 (Ibid. P. 211: Эрасин — единственная аргивская река, не высыхающая летом); The Iliad: 2nd ed. / Edited with app. crit., prolegomena, notes, and appendices by W. Leaf. Vol. I. London, 1900. P. 167 ad IV, 171. См. также примечание к этому месту А. И. Зайцева (Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Изд.

ко большее количество осадков, чем в Афинах, Аргосская равнина (48,7 см осадков в Навплии) относится к восточногреческой засушливой области (Trockengebiet). По его мнению, это вполне оправдывает гомеровский эпитет $\rho\omicron\lambda\upsilon\delta\acute{\iota}\psi\iota\omicron\nu$ в значении 'испытывающий сильную жажду' (das dürstende).⁴⁴ Бедность водой аргивских рек из древних авторов наиболее определенно характеризует Павсаний (II, 15, 5), не обсуждая, правда, значения гомеровского эпитета: реки в Аргосе высыхают в случае отсутствия дождей и безводны летом — за исключением источников в Лерне; он же сообщает этиологическую легенду об осушении здешних рек Посейдоном.⁴⁵ Вопросы о первоначальном значении гомеровского эпитета и о том, что означает «Аргос» в реплике Агамемнона, более сложны,⁴⁶ однако ни в засушливости Арголиды, ни в широкой известности этого обстоятельства в древности сомневаться не приходится.

Подчеркнем, что указание Страбона — отнюдь не типично для древних филологов и антикваров, как полагали Велькер и другие ученые, например, У. Лиф, но скорее, напротив, исключение. Аристарх, первый, о ком достоверно известно, что он оспаривал значение гомеровского эпитета $\rho\omicron\lambda\upsilon\delta\acute{\iota}\psi\iota\omicron\nu$ как относящегося к жажде, предлагал понимать его как «желанный» или же как «гибельный».⁴⁷ Он же считал, что «Аргос» в этой реплике не относится

подготовил А. И. Зайцев. Л., 1970. С. 452): «Реки Инах и Харадр, снабжавшие водой Аргос и его окрестности, летом почти полностью пересыхают». В труде Херманна — Блюмнера содержатся возражения Ф. Велькеру, сомневавшемуся в том, что $\rho\omicron\lambda\upsilon\delta\acute{\iota}\psi\iota\omicron\nu$ подразумевает недостаток воды. Велькера, не называя прямо, имеет в виду, очевидно, и Э. Майер.

⁴⁴ Philippson A. Die Griechischen Landschaften. Bd III, Tl. I. S. 139.

⁴⁵ В пародийной форме представление о нехватке воды в Аргосе (подразумевается в данном случае город Аргос и его окрестности) отражает один из лукиановских «Морских диалогов» (6, 2): Амимона, одна из Данаид, которой суждено стать возлюбленной Посейдона и эпонимом аргивского источника, по приказу отца ежедневно носит воду из Лерны в Аргос — который, как Посейдону известно (намек на осушение им аргивских рек?), является $\rho\omicron\lambda\upsilon\delta\acute{\iota}\psi\iota\omicron\nu$. Так же понимается выражение $\rho\omicron\lambda\upsilon\delta\acute{\iota}\psi\iota\omicron\nu$ 'Αργος у Фаворина (De exilio p. 382, 25 Varigazzi). Император Юлиан (Orat. II, 12, 119 b–c Bidez), оспаривая бедность Аргоса и его окрестностей источниками философскими, косвенно подтверждает тем самым стойкости традиции о скудости его настоящих источников.

⁴⁶ Надеемся вернуться к этим двум вопросам в специальной статье. Здесь отметим лишь, что сомнения, характерные для части древних и новых филологов, в том, что у Гомера эпитет подразумевает недостаток воды и относится к области, примерно соответствующей исторической Арголиде, представляются нам неоправданными.

⁴⁷ Согласно лемме Гесихия, восходящей к лексикографу Диогениану (Hesych.

к Арголиде. Аристоник передает содержание διπλῆ Аристарха, т. е. знака на полях текста, подразумевавшего, что суждение Аристарха отличается от мнения его предшественников,⁴⁸ по поводу топонима «Аргос» в реплике Агамемнона: ὅτι Ἄργος τὴν Πελοπόννησον, οὐ τὴν πόλιν λέγει (Schol. A^{int} in П. IV, 171).⁴⁹ В основе этого суждения лежит, скорее всего, уже у Аристарха та семантическая догма, которую формулирует Страбон: «Аргос» в эпосе может иметь лишь значения ‘город Аргос’, ‘Пелопоннес’ и ‘Греция в целом’ (I, 6, 5; С 369), т. е. не может подразумевать территорию, соответствующую исторической Арголиде. Это положение Страбон имеет в виду, высказываясь по поводу значения этого топонима в реплике Агамемнона (I, 6, 7; С 370): раз тот не имеет в виду город Аргос — ведь не в этот город ему предстояло вернуться, — он должен подразумевать весь Пелопоннес (городом Аргосом и прилегающей областью правит не Агамемнон, а Диомед), Пелопоннес же в целом не может быть назван «испытывающим жажду».⁵⁰

Таким образом, Аристарх и его последователи полагали, что слова Агамемнона не относятся к Арголиде, и на этом основании оспаривали связь эпитета с безводностью. Обсуждать географию Арголиды у филологов, на чьи суждения ссылается Страбон, следовательно, не было повода, и в действительности, за исключением самого пассажа Страбона, полемика с представлением о безводности Арголиды не встречается больше ни в одном из мест, в которых обсуждается значение гомеровского эпитета.

Ошибку Страбона пытались объяснить тем, что равнина Аргоса благодаря искусственной ирригации имела славу хорошо снабженной водой.⁵¹ Аргивская равнина в самом деле обладает зна-

δ 2032 s.v. δίψιον Ἄργος. Vol. I. P. 466 Latte), в противоположность Гесиоду, который понимал выражение δίψιον Ἄργος как ἄνυδρον (см.: fr. 128 Merkelbach — West), Аристарх толковал его как πολυπόθητον или как ὑπὸ Διὸς βεβλαμμένον.

⁴⁸См.: Pfeiffer R. Geschichte der klassischen Philologie: 2. Aufl. München, 1978. S. 267.

⁴⁹Lehrs K. De Aristarchi studiis Homericis: Ed. tertia. Lipsiae, 1882. P. 224 (Лерс приводит другие места из схолиев к гомеровским пассажам, в которых Аристарх трактует «Аргос» как Пелопоннес).

⁵⁰Помимо редкости случаев, когда «Аргос» бесспорно подразумевает Арголиду, здесь могло сыграть роль и то, что формульное или квази-формульное выражение «возвратиться в Аргос» используется у Гомера, когда речь идет о грехах вообще, независимо от того, из какой области они родом.

⁵¹Такое предположение высказал У. Лиф. Он ссылается в подтверждении подобной репутации на псевдо-гесиодовский фрагмент fr. 128 Merkelbach — West,

чительными подземными источниками влаги, и в новейшее время здесь используется развитая система орошения: посредством насосов, которые пришли на смену черпакам, приводившимся в движение животными, вода поднимается на поверхность и распределяется между полями посредством каналов.⁵² Не раз высказывалось предположение, что аргивское земледелие и в древности основывалось также на искусственной ирригации.⁵³ Однако, как отмечает английский археолог Томлинсон, который в принципе считает существование системы искусственного орошения на равнине вполне вероятным, остатки подобной системы водоснабжения найдены пока лишь близ аргивского Герайона, на самой же равнине не обнаружено следов древних колодцев и водоподъемных сооружений.⁵⁴ Тот же Томлинсон указывает, что нам неизвестно, какие именно сельскохозяйственные культуры выращивались здесь в древности, и на то, что хлебные злаки (на которые, возможно, намекает гомеровский эпитет Аргоса *πολύτρος*) во всяком случае не нуждаются в искусственном орошении: засеваемые зимой и собираемые в мае — июне, они получают здесь достаточное количество влаги благодаря зимним осадкам.⁵⁵ Почва же центральной части равнины была в древности и остается по сей день весьма плодородной благодаря отложениям рек.⁵⁶ Своим процветающим коневодством, о котором свидетельствует гомеровский эпитет *ἵπλοβοτος* (II, II, 287 etc.), Арголида обязана, как обычно думают, не полям Аргивской равнины, но влажным лугам на ее окраинах. Сама форма высказывания Страбона (город Аргос, находящийся в безводном месте, пользуется водой колодцев, а Арголида в целом хорошо снабжена водой благодаря многочисленным рекам и водоемам), указывает скорее на схематизм, чем на ложное впечатление: в Арголиде

с которым полемизирует Страбон: Ἄργος ἄνδρον ἐὸν Δανααὶ θέσαν Ἄργος ἔνυδρον (The Iliad edited with app. crit., prolegomena, notes, and appendices by W. Leaf. 2nd ed. Vol. I. P. 167). Однако античная традиция связывает достижения Данаая либо со строительством колодцев в городе Аргосе, либо с открытием Данаидами источников в Лерне, т. е. так или иначе с водоснабжением города, но не с ирригацией равнины.

⁵² Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. From the End of the Bronze Age to the Roman Occupation. Ithaca; New York, 1972. P. 10.

⁵³ Philippson A. Die Griechischen Landschaften. Bd III, Tl. I. S. 139, 141.

⁵⁴ Tomlinson R. A. Argos and the Argolid. P. 10–11.

⁵⁵ Ibidem. P. 11.

⁵⁶ Philippson A. Die Griechischen Landschaften. Bd III, Tl. I. S. 134.

действительно имеются и реки, и болота, однако это не избавляет центральную часть равнины от недостатка влаги в летнее время.⁵⁷ Очевидно, ошибка связана с книжным характером знаний Страбона об Арголиде,⁵⁸ и объясняется в какой-то мере невольной экстраполяцией на всю Арголиду относительного богатства водными ресурсами ее южной части (вода источников Лерны, вероятно, использовалась в водоснабжении города Аргоса), а в какой-то мере запальчивостью полемики о значении гомеровского эпитета.

Для нас в данном случае представляет интерес лишь вопрос, действительно ли пассаж Аристотеля подразумевает сходное со Страбоном и определенно ошибочное мнение, что Арголида в достаточной степени снабжена водой рек. Очевидно, что скудость влагой аргивских рек не могла послужить основанием для гипотезы Аристотеля об изменениях ландшафта Арголиды. Но не вступает ли эта скудость в противоречие с его гипотезой, как думал Велькер? Напомним, что Аристотель предполагает постепенное осушение болотистой земли, образованной наносами на месте отступившего моря. Цветущее состояние Микен и заболоченное Аргоса в героическое время подразумевает у Аристотеля прежде всего состояние почвы, объясняющееся высыханием вновь образованной земли под воздействием солнца, а не состоянием рек (напротив, полноводность рек зависит в конечном счете от уровня увлажненности местностей, в которых они берут начало). Как доказывалось выше, бедность аргивских рек не должна была служить помехой для гипотезы об их роли в отступлении моря. Но не противоречит ли эта бедность аристотелевской характеристике цветущего состояния — Микен в прошлом, Аргоса в настоящем? Здесь следует принять во внимание, что при недостатке речной влаги в летнее время аргивская равнина и в новейшее время обладает плодородной почвой благодаря отложениям рек и в целом получает достаточно большое количество

⁵⁷На ошибочность характеристики Страбоном водных ресурсов Арголиды указывает Р. Баладье, который замечает, что она верна лишь для части равнины к югу от Аргоса (Strabon. Géographie. T. V (Livre VIII). P. 159. Not. 1).

⁵⁸Как резюмируется в рецензии на недоступную нам, к сожалению, монографию Р. Баладье, в описании Пелопоннеса Страбон “was prepared to be an armchair geographer, his personal familiarity with the area being limited (as far as we can tell) to Corinth and the Corinthian gulf” (*Spawforth A. J. S. [Rev.:] Baladié R. Péloponnèse de Strabon: étude de la géographie historique. Paris, 1980 // Journal of Hellenic Studies. 1982. Vol. 102. P. 274).*

осадков в зимнее время. Так обстояло дело и во времена Аристотеля, так что, констатируя цветущее состояние почвы современного ему Аргоса (как и засушливое окрестностей Микен), он не должен был непременно сделать ошибочный вывод о хорошей снабженности Арголиды водой рек, как сделал его, опираясь на иные соображения, Страбон. Нет необходимости и приписывать Аристотелю предположение, что аргивские реки были существенно полноводнее во времена, описываемые Гомером.⁵⁹ Итак, замечание Аристотеля об Арголиде, определенно не вытекающее из той или иной интерпретации гомеровского эпитета, не вступает вместе с тем в противоречие с той его трактовкой, которая усматривает в нем намек на скудость аргивских рек.⁶⁰

Подведем итог. Разбираемый пассаж «Метеорологики», давно замеченный в трудах по исторической географии, достоверен лишь постольку, поскольку касается современных Аристотелю Микен и Аргоса, однако не их отдаленного прошлого и не реальных причин, а также скорости констатируемого процесса высыхания Арголиды. Правильная догадка Аристотеля о постепенном отступлении моря в этой области ввиду аллювиальной активности рек, которая в действительности не может служить объяснением замеченного им здесь высыхания, указывает тем не менее на основательное знание особенностей географии Арголиды (разливы и наносы рек, болота на равнине) и, возможно, ее легендарной традиции (затопление страны Посейдоном), получающей лишь у Аристотеля правильную научную интерпретацию. Пассаж позволяет, таким образом, лучше оценить недостатки и достоинства как самой теории Аристотеля о циклических взаимных наступлениях суши и моря, так и применения ее в конкретных случаях. Он служит и интересным свиде-

⁵⁹То, что Аристотель мог иметь в виду большую силу аргивских рек и их более интенсивную аллювиальную активность в далеком прошлом (см. выше), не означает, разумеется, что, по его мнению, состояние этих рек в героическую эпоху, т. е. в гораздо более позднее время, должно было существенно отличаться от современного.

⁶⁰Неизвестно, высказывались ли уже во времена Аристотеля сомнения в том, что гомеровский эпитет подразумевает недостаток влаги в Арголиде. Во всяком случае приводимый им анекдот об аргивянине, который в течение всей жизни питался горькой сухой пищей, благодаря чему мало пил и не испытывал жажды, так что сумел пройти через Ливийскую пустыню, довольствуясь ячменной крупой (*Symposium* fr. 103 Rose), подразумевает, возможно, что Аристотелю было известно о скудости аргивских рек.

тельством попыток Аристотеля (не во всем успешных) заглянуть в отдаленное прошлое и будущее Греции.

Summary

According to Aristotle (*Meteor.* I.14.352 a 9–18), Mycenae was thriving in the time of the Trojan war, while Argos was then marshy; afterwards, in Aristotle's time, Mycenae became over-dry and fruitless, and Argos, due to the same drying up, became cultivated. Argolis is for Aristotle an example of gradual retardation of the sea due to silting activities of rivers and of gradual colonization of drying land (Argos in comparison with Mycenae is closer to the sea), the process most impressively exemplified by Egypt. The retardation of the sea in Argolis is the real fact which was ascertained in 19th century, but which was not noticed by classical writers except Aristotle. Aristotle might have used the local mythological tradition on flooding of Argolis by the sea due to rage of Poseidon or the real facts underlying it (the rests of marshes on the plain of Argos taken wrongly as the traces of the sea flood, presumably also findings of mussels on the plain) and interpreted them as pointing to retardation of the sea, not to the catastrophic flooding. This generally right explanation was probably based on knowledge of intensive silting activities of Argivean rivers, which are very poor with water as compared with Nil, but leave easily observable silt on the plain during their regularly occurring floods. Aristotle's statement concerning situation in the heroic age is thus the inference only from his general theory of the process of drying up of Argolis, both velocity and range of which he overstated, as it was typical also for 19th century scholars.